

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА
SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-214-249>

ТАЙНЫЕ (УСЛОВНЫЕ) ЯЗЫКИ В ИРАНОЯЗЫЧНОМ МИРЕ
SECRET (CODED) LANGUAGES IN THE IRANIAN-SPEAKING WORLD

Одной из насущных проблем, которые стали предметом многочисленных споров, стало определение терминов тайные (секретные), условные языки, а также арго, и отчасти жаргон и сленг. До сих пор лингвисты не пришли к универсальному решению этого дискуссионного вопроса, и употребляют эти термины «как взаимозаменяемые синонимы» [Герд и др., 2009: 69]. Такие термины представляют собой часть континуума языковых явлений, которые служат в значительной степени выражению социально-символической и эзотерической функции, нежели идеациональной (ideational) функции восприятия мира [Eble, 2004: 262].

В исследовательской литературе ни один стандартный набор технических терминов с точными определениями не различает в полном объеме такие пересекающиеся явления, как арго, жаргон, сленг, разговорная речь, просторечие, тайные (секретные) языки, тайноречие, условные языки (словесные коды) и нестандартные грамматические формы.

В настоящей статье делается попытка дать обзор предлагаемых подходов и терминологии и проследить логику, стоящую за тем или иным обозначением в связи с той или иной задачей выделения конкретной функции в разных исследовательских традициях на разных языках, концептуально значимых для иранистики.

Кроме того, в хронологической перспективе предлагается описание социолектов и их функций в ираноязычном мире.

Социальная дифференциация языка

Социальная вариативность языка и речи характеризуется наличием стратификационного и ситуативного измерений, при этом первое связано с социальной структурой общества, а второе проявляется в использовании языковых средств в зависимости от социально обусловленной ситуации. Причем выбор языка коммуникации с точки зрения социолингвистики базируется на противопоставлении ситуативных признаков, выражая

отношение коллектива к противопоставляемым друг другу социолингвистическим переменным [Швейцер, Никольский, 1978: 74–75, 83–84].

В.И. Беликов и Л.П. Крысин предлагают применять термин социолект, который «удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности социально ограниченных групп людей» [Беликов, Крысин, 2001: 30].

В силу отсутствия единого понимания и критериев разграничения неоднородных языковых образований в разных социальных слоях общества в современной лингвистике отсутствует единый подход к классификации социолектов. Сюда включаются сходные, но различные по своей природе явления. Не упорядочена номенклатура социальных вариантов речи (жаргон, арг, сленг, тайные языки и пр.).

В классификации социолектов, предложенной В.Д. Бондалетовым, в зависимости от природы, назначения языковых признаков и условий функционирования различаются: 1) собственно профессиональные «языки» (точнее – лексические системы), например, рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, представителей других промыслов и занятий; 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, например, учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных, коллективов; условно-профессиональные языки (арг) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; 3) условные языки (арг, жаргоны) деклассированных [Бондалетов, 1966: 9–10]. Согласно уточненной более поздней классификации, в зависимости от природы языковых признаков и условий функционирования, выделяются 1) профессиональные лексические системы промыслов и занятий (охотников, гончаров, пр.); 2) групповые, или корпоративные, жаргоны молодежных, военных коллективов, пр.; 3) условные языки (арг) ремесленников-отходников, торговцев; 4) жаргон (арг) деклассированных [Бондалетов, 1987: 69].

В последней классификации В.Д. Бондалетова привлекают внимание два последних пункта, в которых виды тайноречия разводятся по своим свойствам и обозначаются как «условные языки (арг)» отхожих промыслов или как «жаргон (арг) деклассированных» элементов. Причем в обоих случаях параллельно с основным термином применяется и обозначение арг.

На основе перераспределения разновидностей речи (лексических систем) и их носителей по социально-классовым различиям выстраивает свою классификацию Б.А. Серебренников: 1) профессиональные лексические системы; 2) групповые (корпоративные) жаргоны тесно связанной группы (включающие лексику, которая несет признаки профессиональных лексических систем, корпоративных жаргонов и элементов условных языков); 3) жаргоны деклассированных элементов (предназначенные для обособления членов сообщества, их идентификации и затруднения понимания смысла речи) и 4) условные языки (ремесленников-отходников, странствующих торговцев и близких им групп), имеющие криптолалический характер, занимающие промежуточное положение между искусственными и естественными языками [Серебренников, 1970].

Уже на данном этапе разработки терминологии заметны как предпочтение к применению в качестве более широких терминов – жаргон, так и их разведение и уточнение на основе функций и типа словаря, их носителей. Последний исследователь и вовсе отказывается от термина арго, снимая его и обозначая эти разновидности как жаргоны или «условные языки».

При анализе современного состояния и проблем социолектологии выявляется, что по многим концептуальным и терминологическим вопросам единой позиции так и не выработано и что к особенно дискуссионным все так же относится вопрос о различиях в оппозициях подъязык – социолект, жаргон, арго. Некоторыми авторами на этой основе предлагается таксономия социолектов, включающая такие формы существования языка, как профессиональные языки, коды (шифры) спецслужб, жаргоны и арго, связанные с открытым / закрытым характером сообщества и уровнем кодификации языкового материала [Солнышкина и др., 2014: 126]. Причем в настоящей работе последний термин принимается в широком истолковании как синоним тайных (условных) языков.

При всей многоплановости взглядов на социолект представляется резонным в целом опираться на схему, построенную с опорой на «совокупность внутривидового и функционального параметров» Э.Г. Туманян: «1) детерминированные лексические системы: а) групповые, корпоративные жаргоны, б) профессиональные лексические системы; 2) особые, условные языки: а) условно-профессиональные арго (жаргоны), б) арго деклассированных» [Туманян, 1985: 92].

Такая схема принимается нами для дальнейших рассуждений с учетом того, что во вторую категорию условных языков с различным объемом и охватом значений внутри

конкретной группы включаются групповые как профессиональные, так и исключаяющие – тайные (секретные) языки, криптолекты.

Понятия «жаргон», «арго» и «сленг» могут быть рассмотрены как элементы языка, выстроенные в иерархическую систему, где каждый уровень имеет свои особенности и область применения. Таким образом выстраивает иерархическую систему понятий арго – жаргон – сленг В.В. Химик, принимая что арго – исходная, ядерная часть жаргона. Жаргоны – это социальные диалекты в полном объеме, специфические подязыки, причем их лексический и фразеологический материал нередко попадает в общеэтнический субстандарт, сленг – включается в современное городское просторечие как функциональную разновидность национального русского языка [Химик, 2000].

1.2 Проблемы терминологической номинации: к соотношению терминов *тайные языки* – *арго*

В французской лингвистической литературе

Уже во французской традиции отмечается перебой/переход терминов *жаргон* / *арго* и пр. Знаменательно, что термин арго (*argot*)¹¹¹ вошел в употребление во Франции в XVII в., вытеснив термины жаргон (*jargon*)¹¹², бывший в употреблении с XII в. и получивший позднее пейоративный оттенок, а также термин *джобелин* ((*jargon*) *jobelin*)¹¹³, принятый с XV в. для обозначения речи нищих и торговцев лошадьми [Petit Robert, 1993].

Термин арго (*argot*) засвидетельствован в книге Оливье Шеро «Жаргон или язык реформированного арго» (Chereau, 1630). Здесь арго означало «попрошайничество» (*mendicite*) и использовалось для обозначения занятий или сообщества нищих и воров (Delaplace 2004: 89). Шеро предложил также и дериват *argotique* «относящийся к профессии или к сообществу нищих» [Ретинская, 2008: 99]. Лексикографические издания удостоверяют, что в конце XVII века термином арго обозначают вокабуляр профессиональных нищих, а в

¹¹¹ В 1628 г. применяется в значении корпорации воров и нищих [Sainéan, 1907: 29]; позднее как тайный (криптологический) язык этой преступной среды, т.н. «зеленый язык» (*langue verte*); линг. язык, характерный для профессии, группы людей закрытой среды (*javanais* – вставка слогов, *verlan*, букв. наоборот – перестановка слогов). Профессиональный арго: мясников, типографов [Petit Robert, 1993: 118–119, 1223, 2374].

¹¹² Из *onomat. garg* «горло» (в XII в. «щебетание, болтовня», в XIII в. «язык воров»). 1. Искаженный язык, составленный из разнородных элементов, 2. Язык, специфичный для определенной группы и характеризующийся своей сложностью, аффикацией слов, оборотов речи, 3. Старые разновидности, напр. баллады на жаргоне, приписываемые Вийону [Petit Robert, 1993: 1221].

¹¹³ Ср. *jobard* «простофиля» [Petit Robert, 1993: 1227].

следующем столетии данный термин присваивают языку профессиональных бандитов, позднее составлявших деклассированные элементы [Sainéan, 1907; 1912].

В связи с данным наблюдением обращает на себя внимание трактовка термина «арго» в словаре Э.-Ф. Видока (XIX в.) в статье *arguche*, объясняемого через *argot*: Жаргон воров и мошенников, который понимают только они; по крайней мере, таково определение в Словаре Академии. Мне это определение не кажется точным; арго (*argot*), теперь, это скорее общий термин, предназначенный для выражения любого жаргона..., который является специфическим для корпорации, профессии или определенного класса лиц... [Vidocq, 2002: 6]. Этот процесс расширения значения термина арго в конце XIX–XX веков отмечают и другие авторы. Его стали понимать как язык бродяг, нищих и воров, или шире как особый технический словарь и фразеологию людей одной профессии, понятные только им [Hearder, 1973: 13–14; Littré, 1874].

В силу смещения французского словаря в новых условиях существования языка в последние столетия задача лингвистической дефиниции становилась сложнее, так как благодаря доступности средств массовой информации, популярности детективных романов и фильмов арготический словарь перестал быть достоянием исключительно преступников; многие слова оказались известны в широких социальных кругах. Считается, что подобный социолингвистический феномен объясняется расширением или даже передачей лингвистической функции, в ходе чего изменилась природа данной разновидности речи и из секретного языка преступной деятельности он стал проявлением корпоративного духа, посредством которого группа утверждает и идентифицирует себя [Hearder, 1973: 17, 18]. Эту мысль подтверждает и определение, данное Э.-Ф. Видоком.

То же отмечается и в российских наблюдениях за состоянием языков особого назначения во Франции: «постепенно объем термина изменился, под арго стали понимать устный язык, который состоит из более или менее произвольно выбираемых, видоизменяемых и сочетаемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяется отдельной социальной группой с целью языкового обособления от остальной части данной языковой общности» [Береговская, 1975: 5]. Здесь отмечен важный терминологический «переход», а также подмечена установка на обособление, исключительность, эксклюзивность представляющей такой идиом группы.

В XX в. на французском материале имели место попытки развести понятия профессиональных и «специализированных» (арго), условных, языков. Обращает на себя

внимание, что уже А. Дуза [Dauzat, 1929] стремился провести различие между профессиональным языком в целом и «специализированными языками», которые демонстрируют арготизмы. В том же ключе выдвигает дефиницию «профессионального арга» Т.И. Ретинская, понимая его как «комплекс неконвенциональных лексических единиц, который признан и употребляется профессиональной группой в качестве знака языкового обособления» [Ретинская, 2011: 208].

Знаменательно, что французские работы XX века данного направления послужили основой для теоретической разработки сходных исследований в Иране. Это особенно касается трудов Пьера Гиро и Л.-Ж. Калве, в частности переведенной на персидский язык [Calvet, 1994]¹¹⁴.

В русской лингвистической литературе

Термин арга пришел из французского языка в русскоязычную и англоязычную традиции, завоевав на долгие годы прочное место в лингвистических и особенно социолингвистических описаниях социолектов.

«Под влиянием работ французских исследователей (О. Chereau, А. Dauzat, Р. Guiraud, L. Sainéan и др.) в начале XX в. в российскую науку активно входит термин арга, к которому во французской лингвистике наряду с собственно воровским языком относят профессиональные жаргоны, в том числе и условные, тайные языки. В 60-е годы XIX в. он принимается в русскоязычных исследованиях как «воровской язык», который понимался достаточно широко. Так вслед за французской традицией понимают арга Б.А. Ларин, Д.С. Лихачев, В. М. Жирмунский» [Приёмывшева, 2009: 13].

Рассматривая «специальные языки», уже в первой половине XX века Ж. Вандриес отмечал, что «слово арга имеет в наше время довольно расплывчатый смысл. По существу это – другое слово для понятия “специальный язык”. Существует столько же арга, сколько есть групп, имеющих свои специальные интересы» [1937: 232].

Можно отметить, что в российской лингвистической литературе сложилась традиция использования термина арга в нескольких значениях: 1. То же, что жаргон [Толковый... 1935: Т.1. 846]; 2. Язык отдельных социальных групп, сообществ, искусственно создаваемый с целью языкового обособления (иногда «потайной» язык) [Розенталь, Теленкова, 1976: 28]; 3. Собственно язык воров и преступников [Грачев, 1997]; 4. Любые формы

¹¹⁴ См. статью Sabzalipour J., Izadifar R., в которой упоминается данная книга.

жаргонизированного просторечия [Елистратов, 1995]. В последние годы наметилась устойчивая тенденция дифференцированного употребления терминов, обозначающих такие социально детерминированные формы речи, как арг, жаргон, сленг, профессиональное просторечие (прив. по: [Бондалетов, 1990]).

Примечательно в этой связи наблюдение за сменой в советской традиции терминологии при описании данных феноменов: за несколько десятилетий перерыва в СССР в социалингвистических исследованиях в середине XX в. «сочетания тайные, условные языки растворились в более широком термине арг», их синонимичность была закреплена и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «Арг: Своеобразный, условный язык обособленной социальной группы..., отличающийся от общего языка присутствием слов, непонятных непосвященным»¹¹⁵ [Приёмышева, 2009: 14, 15; Ушаков, 2020]. Такую смену терминологии социально-детерминированных форм речи вызвали изменения в обществе и в ориентации социалингвистической парадигмы.

Материал тайных языков России, основательно освещенный в работе М.Н. Приёмышевой, приводит ее к следующему выводу: «при учете хронологического критерия очевидно, что в современной социально-лингвистической парадигме *арг* (*условные, тайные языки*) как актуальный элемент такой системы, что исторически закономерно, отсутствует» [Приёмышева, 2009: 20].

Ввиду закреплённости тайных языков, арг за рядом социальных групп, обусловленности их функционирования социально-экономическими факторами, отнесенность тайных языков к социальным диалектам очевидна. Важно, что им отчасти присущи и лингвистические свойства социальных диалектов. В этой связи можно обратиться к следующему определению В.И. Беликова – Л.П. Крысина: «Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т. п. – в пределах той или иной под системы национального языка. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, особенностей речи» [Беликов, Крысин, 2001: 47].

В ходе обзора подходов к пониманию термина арг в русскоязычной литературе отметим, что, по определению О.С. Ахмановой, термин арг соответствует англ. *slang*, фр. *argot*, нем. *Sondersprache*, укр. *jerga*. При этом означает «то же, что жаргон; в отличие от

¹¹⁵ «Жаргон: 1. То же, что арг» [Ушаков, 2020].

последнего термин аргос лишен пейоративного уничижительного значения. Исследовательница выделяет аргос профессиональное, артистическое, военное, воровское, картежное и пр. [Ахманова, 1966: 51].

В дальнейшем в литературе сложился более сложный взгляд как на соотношение терминов, так и на объем их значений внутри конкретной языковой традиции [Арапов, 1990; Беликов, Крысин, 2001]. По В.И. Беликову и Л.П. Крысину, аргос, жаргон, сленг – это разновидности социолекта, и специфика каждого обусловлена «профессиональной обособленностью группы от остального общества» [Беликов, Крысин, 2001: 33]. И все же, как считают авторы одного из словарей лингвистических терминов, «...в жаргоне преобладает выражение принадлежности к [данной] группе, в аргос – языковая маскировка содержания коммуникации» [Васильева и др., 1995: 38].

Заслуживает внимания тот факт, что термины аргос и тайные языки (условные языки) приводятся в справочной литературе как параллельные. Так, в ЛЭС дается определение терминов как «аргос» [Шахнарович, 1990: 43] (ср. также [Шахнарович, 1998]), так и «тайные (условные языки)» [Арапов, 1990].

Одна из современных дефиниций аргос приведена в «Викисловаре»: «лингв. язык обособленной социальной группы, профессии или сообщества, состоящий из произвольно избираемых видоизменённых элементов одного или нескольких естественных языков, употребляющийся с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления группы от остальной части общества» [Аргос]. Можно заметить, что данное определение имеет весьма широкий охват и нейтрально по отношению к социальному статусу группы в обществе.

1.2.1 Терминология обозначения тайных языков

Во многих исследованиях отмечается, что понятия жаргон, аргос, специальный язык, сленг и т.п., не имеют необходимой терминологической строгости определения и подменяют друг друга. Ориентируясь на номенклатуру, представленную в иранистических исследованиях, проведем обзор терминологии, связанной с употреблением в лингвистических работах российской школы терминов «тайные (секретные) языки» (англ. *secret languages, cryptolects*).

Так, О.С. Ахманова (в 4-й секции статьи «Язык») пишет: «То же, что жаргон»... «Языки профессиональные... Социальные диалекты данного языка, бытующие среди лиц, принадлежащих к одной и той же профессии. Языки тайные, англ. *secret languages*. Языки

особых социальных групп, создаваемые в целях замкнутого общения в пределах данной группы. Ср. криптолалия (воровские жаргоны, жаргоны сектантов и т. п.)», а в статье «Криптолалия (тайноречие): англ. *cryptolalia*»: «Тайный язык («потайной язык»), непонятный для тех слоев общества, которые не входят в данную социальную группу». = Воровской жаргон» [Ахманова, 1966: 535, 205].

В формулировке Т. В. Жеребило: Тайные (условные) языки: «конспиративные языки, которыми пользовались различные социальные замкнутые группы: бродячие торговцы, нищие, ремесленники – отходники и др. Тайные языки отличаются обычно набором слов... и специфической системой словообразования». «Профессиональные и тайные языки» относят в социолингвистике к искусственным языкам [Жеребило, 2010: 393, 138].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре принято следующее определение: «Тайные (условные) языки – традиционное название ряда жаргонов, которые использовались относительно замкнутыми социальными группами – бродячими торговцами, ремесленниками-отходниками, нищими» [Арапов, 1990: 502; см. также: Арапов, 2016: 589].

Во всех трех дефинициях авторы подчеркивают мобильность таких групп, их нацеленность на замкнутое в силу социальных причин общение в пределах группы и конспиративную функцию их речи.

При описании конкретных лингвистических объектов, связанных с тайноречием, в разных языковых культурах понимание и применение терминов более однородно. И все же М.Н. Приёмышева, намечая основные подходы к пониманию термина, отмечает имеющиеся слабые стороны при его применении: обозначение «тайные языки», употребляющееся в лингвистике, не имеет строгого терминологического определения и обычно используется наряду с сочетаниями «условные» или «искусственные» языки, кодирующими ряд неоднородных лингвистических явлений. Несмотря на различия тайных языков и их носителей, предполагается, что это «идентичные лингвистические объекты, так как их объединяет ряд выполняемых специфических коммуникативных функций (социально-символическая, игровая, эзотерическая)... и закономерности лексико-семантической организации». Таким образом, можно считать, «что тайный, условный или искусственный язык – это сознательно или традиционно кодируемая знаковая система, наличие которой в той или иной социальной группе – обязательное условие ее социального престижа (в данной социальной нише), способ идентификации ее членов, некий социальный барьер между данной группой и обществом ...» [Приёмышева, 2008: 105, 107].

Широкий диапазон терминологии, связанной с тайными наречиями, обусловил необходимость ее дифференциации и выстраивания иерархической системы социолектов, где каждый уровень имеет свои особенности и область применения. Таким образом классифицируются социолекты в [Солнышкина и др., 2014: 130 (Таблица 1)].

Таблица 1.

Классификация социолектов по [Солнышкина и др., 2014: 130]

Признаки сообщества / социолекта	Открытое	Закрытое
Реализован в двух регистрах (высоком и низком)	профессиональный подъязык	шифр
Реализован только в низком регистре	жаргон	арго

Отметим также, что попытка дать краткую классификацию социолектов – тайных, условных языков и жаргонов – была предпринята на материале языков Ирана на персидской основе в [Асгари, 2020]. Однако систематические критерии, требуемые для разграничения арго, тайных и условных языков и описания отношений между ними в этой классификации отсутствуют. Для того, чтобы выявить такие критерии и разграничить данные понятия, обратимся к терминологическому материалу, привлекаемому в иранском языкознании.

2 | Терминология, принятая в иранистике: тайные языки – арго

Немаловажно, что в европейской иранистике при выработке терминологии и разработке понятийного аппарата арготологии в лингвистической традиции активно принимала участие наряду с французской и российской школой также и английская.

В целом лингвистические материалы по истории общественных форм и их идиомов, включая их обозначения, служат сигналом определенных социолингвистических особенностей таких сообществ. Уже само применение конкретного термина по отношению к их языку приписывает ему установленный набор характеристик. Ср., например: тайный (секретный, криптолалический) язык, тайноречие, условный язык, арго, жаргон, сленг, говор (*secret language (cryptic language)*, “(un)conventional” / “provisional” language, *argo(t)*, *jargon*, *slang*, *patois*) и пр.

Уже самый краткий обзор показывает, что в англоязычной традиции для обозначения тайных (секретных) языков в основном используется – *secret languages*, а в широком значении

характерно применение терминов жаргон и сленг (*jargon, slang*). См. например, [Blake, 2010]. В иранистике особенно широко используется термин *secret language* (а также *cryptic language*), он применяется наряду с терминами с разным объемом значений арго (*argo(t)*), и иногда жаргон (*jargon*), принятыми в работах [Phillot, 1907; Pstrusińska, 1990; 2004; 2013; Sadeqpur, 2007] или сленг (*(professional) slang*) [Melikian, 2002].

Особенности применения номенклатуры можно проследить в некоторых случаях и при соположении терминов. Тайный, секретный язык может также выступать как арго, например, “*secret languages, or so-called argots*” [Pstrusińska, 2013: 17], или как жаргон (...*a secret language as a jargon*), ср. также рассуждение о языке кокильяров (XV в.), известном как *jobelin*, на основе привлечения французского *language exquis* “secret language”¹¹⁶ [Bosworth, 1976: 150, 6].

Термином жаргон наряду с «секретным языком/кодом» пользуются Э. Йаршатер *secret jargon, secret, unintelligible, and enigmatic language* [Yarshater, 1977; 2009] и В.А. Иванов *secret language, secret code, jargon (of Persian Mendicant Darwishes), secret / conventional / jargonic code, secret jargon, jargon* [Ivanow, 1922: 375; 1927; ср. также: 1914: 445; 1920: 285]¹¹⁷. Последний автор очерчивает и специфический круг маргинальных сообществ, которые употребляли тайный язык: странствующие дервиши, ряд ремесленно-сословных групп и особенно воры и профессиональные нищие (*wandering darwishes, some classes of craftsmen, and especially by thieves, professional beggars*), а также бродячие цыганские группы [Ivanow, 1922: 375].

В современных описаниях сходной тематики авторы, пишущие по-английски, принимают как более широкий термин жаргон, но не отказываются полностью от термина арго, применяя его как синоним тайного языка, см., например, “*many sales people have been using argot to secretly talk*” [Samaei, Azimi, 2023: 177]. Исключительно термины *argot* или *jargon* как синонимы употребляет М. Шварц [Schwartz, 2012]. В позднейших работах намечена тенденция к полной замене термина арго термином жаргон. См., например, исследование, где автор принял в основном термин *jargon*, но исключительно в применении к тайному языку обособленных групп и дервишей использует также обозначение *secret language* [Rezai Baghbidi, 2025:19, 21, 23, etc.].

¹¹⁶ Скорее в значении «эксклюзивный язык избранных».

¹¹⁷ В.А. Иванов не использует термин арго, хотя пользуется другим французским термином – *patois*.

В других европейских языках применяются обозначения как тайный язык и арг, так и жаргон: фр. *langue secrète, mots secret* [Gauthiot, 1913: 677–678], *le jargon des juifs d'Iran* [Lazard, 1978], нем. *Geheimsprache, argot* [Mirzaee, 2021], польск. *tajny język*¹¹⁸ [Pstrusińska, 1983; 2004].

При описании сходных социально значимых языковых разновидностей в русскоязычной иранистике традиционно употребляются термины – «тайный (секретный) язык, потайной язык (арго)» [Оранский, 1983: 31], секретный язык, арг [Климчицкий, 1940], условная речь, условный язык [Хромов, 1976]; но ср. объяснение применения номенклатуры в более поздней работе: «Сейчас термин «условные» или «тайные» языки используется в Иране применительно к двум группам населения. Первая группа – это те, кто, нарушает закон... Вторая группа – это люди, которые не приемлют норм общественной морали. Это по большей части молодёжь и подростки-школьники» [Асгари, 2020: 152].

В ираноязычной традиции при описании конкретных явлений, связанных с тайным языком отдельных сообществ, приняты обозначения – перс. *zabān-i maxfi* ‘тайный (секретный) язык’, *zabān-i ramzi / sirri* ‘условный (секретный) язык’ (*ramz* ‘загадка, тайна’, *sirr* ‘тайна, секрет’), в современном широком обозначении применяется термин *zabān-i zargari* ‘условный язык; жаргон, арг’.

Здесь важно, что все эти тайноречия представляют собой социальные варианты того или иного национального языка, но имеют узкие функциональные границы и нацелены на передачу секретной информации при открытой коммуникации. В дополнение следует еще раз обратить внимание на вывод М. Н. Приёмышевой [2009: 20], уже приведенный выше, об утере тайными (условными) языками в настоящий момент актуальности для социолингвистической системы России. Однако это наблюдение не вполне соответствует данным ираноязычного мира, где и сегодня все еще представлены традиционные варианты социолектов, распространенные, в частности, у миноритарных народов, хотя и имеют место ощутимые сдвиги. В этой среде представлен широкий диапазон разного рода идиомов, которые используются как тайные и условные языки.

Приведем основной языковой материал, языковые данные, на которые мы опираемся в данной статье.

¹¹⁸ См. также: “secret languages, or so-called argots” [Pstrusińska, 2004].

2 | Тайные (условные) языки ираноязычных народов как объект лингвистического исследования

Тайные (секретные) языки исторически были широко известны в иранской среде и относятся к исключаяющим языкам, которые, как правило, предназначены для передачи секретной информации.

Опыт обобщения накопленного на разных этапах исторического развития истории и культуры ираноязычных народов материала, а также краткий обзор их наречий дан в работах [Климчицкий, 1940; Хромов, 1976; Оранский, 1964; 1983: 30–48].

На определенном этапе средневековья (VII–XVI вв.) в силу политических условий и особенностей социально-экономического развития Ближнего Востока и ряда стран Евразии, в частности территорий современных Ирана, Афганистана и Центральной Азии¹¹⁹, а также в силу продвижения ислама в населяющих регион обществах активно шел процесс социальной стратификации и поляризации, сложения профессиональных цехов и корпораций, маргинализации части населения. Это способствовало тому, что в социолингвистической системе этих государств присутствовали как единый язык религии, науки и литературы, охватывающий обширные территории более чем одного государственного образования (такие как арабский и/или персидский язык(и)), так и конкретные национальные языки (например, персидский), а также складывались социально детерминированные формы речи разнообразных групп населения.

В последние столетия с централизацией власти национальных государств и ростом экономики, уходом в прошлое мелких корпоративных образований, активным процессом урбанизации и выходом маргинализированных групп населения на глобализованный рынок труда, формы речи социума подверглись перераспределению. Национальные языки, на которых существует литература, ведется работа СМИ и всеобщее обучение, стали необходимой составляющей жизни каждого жителя страны, в том числе носителей таких идиомов и групп, для которых они не являются родными. Молодежь освоила и наднациональные языки, хотя их состав и степень необходимости в них не являются неизменными и одинаковыми для разных регионов. Миноритарные языки не только сохранились в языковом ландшафте многих стран, но и вышли на более широкий международный уровень. В современных условиях социокультурных процессов

¹¹⁹ При выработке терминологии и разработке понятийного аппарата в современной лингвистической традиции в Иране авторы обычно опираются на французскую школу, а в Таджикистане на советско-российскую.

демократизации общества, нивелировки социо-экономических характеристик сословно-профессиональных групп и причин их существования происходит и отход на задний план необходимости секретной коммуникации, что выводит такие языки из активного употребления.

Однако в настоящее время во всех ираноязычных странах и в более широком регионе арготические варианты речи все еще фиксируются.

Так, в Иране отмечена широкая гамма разновидностей тайных и условных языков [Kiya, 1961; Хромов, 1976; 1974; Bolukbāshi, 2000] таких групп общества, которые выделяются на основании сословных различий и особого уклада жизни. К ним отнесены ремесленники – ювелиры, медники, музыканты, жестянщики, шерстобиты и валяльщики войлока, мельники и пр., – которые используют специфический тайный язык, включающий профессиональный набор выражений трудных для понимания, в частности основанных на региональной/диалектной лексике, см. например, [Sabzalipour, Delgarm, 2016].

К секретным языкам (перс. *zabān-i maxfi, ramzi, sirri, bātin, rāz* ‘секретный, тайный язык’, тадж. *забони махфӣ, рамзӣ* ‘секретный, тайный язык’), или «криптолектам» (англ. *secret language, cryptolect*) на иранской почве обычно относят традиционные разновидности специфической речи некоторых регионов Ирана (перс. *zargari* ‘секретный язык, букв. (язык) ювелиров’¹²⁰, *Yazdi* ‘(язык) г. Йезда’ [Ivanow, 1927: 244], *mesgari* ‘(язык) медников’, *morqi* ‘птичий (язык)’, *gonjeshki* ‘воробьиный (язык)’ [Mirzaee, 2021], *anguri* букв. виноградный, *jāberi (žêrzuwanaki)* ‘(язык писцов) Джабера (топоним.)’, разновидности языка мастеров, связанных с шерстяными и войлочными изделиями, медников и жестянщиков (*selyāri*), (язык) дровосеков и плотников (*arrānaji*, он же на тюркской основе называется *qarqadili* букв. вороний язык) (см. о нем [Sabzalipour, Delgarm, 2016; Sabzalipour, Izadifar, 2025]), язык торговцев бумажной мануфактурой (*zabūn-i bazzōzī*) [Phillot, 1906]¹²¹, язык строителей Абаде (близ Шираз) (*zabān-i bannāyān*) [Sadeqpur, 2007: 135], язык торговцев одеждой (*zabūn-i benavi*) [Samaei, Azimi, 2023: 177]¹²².

¹²⁰ Под термином *zargari* в некоторых регионах Ирана также известен язык *loterā'i*. Одним из центров *zargari* Армении являлось село Баназур, Нагорный Карабах, где был записан языковой материал [Melikian, 2002]. Сегодня термин *zabān-i zargari*, употребляется в персидском и таджикском языках расширительно в значении ‘условный язык; жаргон, арг’.

¹²¹ Ср. другие названия тайноречий на тюрк. основе у некоторых кашкайских племен: *ayereh dil* ‘язык, который другие не понимают’ / *ghosh dili* ‘язык птиц’ [Amiri, Fallahi, 2023].

¹²² Другие секретные профессиональные языки включают речь ювелиров, региональные варианты *morqi* и *lami* в Мешхеде, язык мясников в Тегеране, речь медников Исфахана, строителей и торговцев мануфактурой Йезда, дервишей Казвина и пр.

Сведения о языках деклассированных элементов Ирана сохранены в записи. Известны: *zabān-e lūtī* ‘язык шутов, пр.’, *lūtī* ‘народ Лота; развязный человек; шут, скоморох, клоун’, в Тегеране – *zabān-e lati*) [Оранский, 1983: 33], ср. описание этнографической группы луты в Луристане, члены которой применяют наряду с лури и фарси, арго (*Lutiyuna/ Darvishi* ‘the language of the Luti’ [Amanolahi, Norbeck, 1975: 2]). К этому ряду примыкают также известный по всему Ирану и за его пределами *lotrai*, *lotarā* (по некоторым предположениям, обозначающий наречие ‘(язык людей) вне Торы (**lo-Torah*)’ [Yarshater, 1977]), (о нем, источниках, его упоминающих, см. подробнее [Хромов 1976 и др.], о его связи с арамейским см. также [Schwartz, 2012; Rezai Baghbidi, 2025]), здесь же упомянем специфическое наречие дервишей (*fūqaro*), описанное в [Ivanow, 1922; 1927; Ромаскевич, 1945: 142].

Ряд форм тайноречия известен и в истории Центральной Азии: тадж. *заргарӣ* ‘профессиональный язык ювелиров (шифрованный); позднее: условный язык, включающий ряд разновидностей’, *мурғӣ* ‘(язык) птиц’, а также *мурғот* ‘(язык) магов’ (*мурғ* ‘маг, огнепоклонник’) и пр.¹²³. Здесь в среде миноритарных народов Таджикистана сохраняются реликты тайных языков (ягнобский: (звукоподр.) *kazomazi/kazobuzi*, в Матче *zaboni muryon* ‘язык птиц’ [Хромов 1976]), памирские). В XIX–XX в. ягнобцы при чужих использовали «секретный язык» (тадж.-перс. *gari čar* ‘перевернутая речь’) [Климчицкий, 1940: 106–107].

Для Таджикистана и Узбекистана ср. также арго (на таджикской основе) кочевых или переселенческих групп не всегда известного этнического происхождения (относимых местным населением к выходцам из Афганистана), а исследователями к цыганообразным этнографическим группам, например, люли и джуги [Оранский, 1971: 204], а также части мазанг, большая часть которых не имеет специфического языка, но отдельные группы сохраняют арготический вокабуляр [Оранский 1971: 202, 203, 205–206]. Здесь же можно упомянуть имевшие арготический словарь групп кавол, джуги, чистони [Оранский 1961; 1966: 64–65] (у последних их арго именуется воровским языком (тадж. *zabon-i duzdi*)), согутарош (резчики деревянной посуды-*soyu*). К ним примыкают также группы, говорящие на

¹²³ Имеются сообщения Н.Я. Марра о языке мясников Ирана и Е.М. Пещеревой о языке мясников Шахрисябза на узбекской основе (узб. *кассоб тили*); об арго мясников на основе хинди в Индии (*qaṣā/ayō-ki farsī*) см.: [Оранский, 1983: 33].

Арготический словарь на таджикской основе зафиксирован у цыганских групп люли А.И. Вилькинсом в XIX в. и А. Л. Троицкой на узбекской и таджикской основе [1948; Оранский, 1983: 31, 34].

Об инд.-ар. основе цыганских наречий см. [Ivanow, 1914; 1920; 1927; Оранский, 1971a; 1983; Matras, 1998], использовании ими в качестве основы языка (грамматики и синтаксиса) окружающего населения [Rezai Baghbidi, 2025: 23–24]. Об арготических наречиях Индии, например, о языке *balaibalan* (XVII в.) см. [Ramaseena, 1836; Phillot, 1906], *qurbati* [Климчицкий, 1940: 104–105], о языке народа дом [Hancock, 1995]. Ср. также тюрк. (узб.) *абдолтили* и пр. [Троицкая, 1948].

таджикском (люли), и индоязычные парья, последние не применяют аргю, но сохраняют память о некоторых словах на его основе и их применении в качестве «потайного языка» (парья *zabon-i ranoyi*) [Оранский, 1983: 31, 32, 34].

Особые варианты аргю существовали в прошлом на иранской основе в Афганистане у хазара [Оранский, 1983: 35] и у ормутов [Kieffer, 1982]. Арготический лексикон отмечен И.И. Зарубиным в «списке слов гератских евреев» (1924). Сходное образование засвидетельствовано у горских евреев Кавказа (Миллер 1929); считается, что эта разновидность занесена из Гиляна [Оранский, 1983: 33–34]. Тайные (условные) языки строятся в Афганистане и на тюркско-монгольской (прежде всего узбекский) и семитской (тайные языки центральноазиатских евреев), а также дравидийской основе [Pstrusińska, 2013]. Для Афганистана упоминаются также отдельные арготические идиомы на основе дари и пашто языков у этнографически обособленных перипатетических групп, таких как: *ādurgari*, название которой связывается с термином «коробейники, торговцы вразнос», *yorbat*¹²⁴/*qāzulāgi*, *baloch*, *jogi*, *kutana*, в основном связанных с *jāt* (или *qawāl*)¹²⁵ [Rao, 1986; 1995; Hanifi, 2008].

Во всех трех ареалах отмечаются наречия, ассоциировавшиеся с цыганоидными [Ivanow, 1914; 1920; 1922; Климчицкий, 1940], сводку диалектных особенностей этой таджикской речи и материалы по их секретным языкам (аргю) в Таджикистане см. [Оранский, 1983], в Иране [Rezai Baghbidi, 2025].

В начале XX века В. А. Иванов ввел в научный оборот рукопись сборника философских и суфийских трактатов под названием “*Kitāb-e Sāsiyān*” (“The Book of Parasitic Beggars or Book of Grifters”, «Книга паразитирующих нищих или Книга мошенников»)¹²⁶, содержащую словарь аргю (*luyat (al-yurabā)* ‘vocabulary (of the strangers)’ со значимым арабским компонентом. Дата

¹²⁴ От араб.-перс. *yorbat* ‘чужбина, скитание’, *yaribi* ‘странник, иноземец’ [Ivanow, 1914: 442], в современном перс. *yorbat* ‘чужбина, скитание’, *yarib(i)* ‘странник, иноземец, чужой’, *yorbati* ‘цыган; странник, скиталец’.

¹²⁵ Эти два обозначения проявляют этносоциальный статус группы. Причем все перипатетические сообщества отвергают обозначение их термином *jāt*, но сами применяют его по отношению к прочим группам. Этим эпитетом характеризуется в афганском дари своенравный сварливый человек, вызывающая одежда и речь или поведение, особенно молодых женщин [Hanifi, 2008].

¹²⁶ От перс. *sās* (со ссылкой на текст Санаи) ‘насекомое-паразит’ [Ivanow, 1922: 377], ‘клоп’ (?), перс. *sāsān* ‘бедняк, нищий’, ‘отшельник, дервиш’, тадж. *сосон* ‘то же’ [Троицкая, 1948: 261; Оранский, 1983: 38]; данное значение отмечено в словаре Штейнгасса, но отсутствует в современных перс. и тадж. словарях. И.П. Петрушевский определяет *saccuan* (*Sassian/Sassanian*) как бедняков, бродяг и нищих, которые составляли профессиональную группу, сопровождавшую борцов и ремесленников и использовавшую тайноречие [Петрушевский, 1966: 197].

составления рукописи примерно связывается им с XVI или XIV веками [Ivanow, 1922: 376–377; Bolukbashi, 2000: 111; также Schwartz, 2012].

Вторым источником по древнему аргю является поэтическое произведение (касыда) Абу Дулафа (X в.), написанная на аргю на арабской основе *бану сасан* ('Сасаново племя')¹²⁷, приведенная в работе Салиби «*Jatīmat at dahr*» (XIV в.), где указано, что «бану сасан был своего рода цех, в который входили нищие различных видов, бродяги, странствующие актеры, фокусники, дрессировщики» [Троицкая, 1948: 260].

2.1 Тайные, условные языки, аргю и их функции

Тайные (секретные), как и условные, языки в ираноязычном мире направлены на эксклюзивную коммуникацию в рамках группы с установкой на сокрытие смысла и формирование групповой идентичности, за счет противопоставления «своих» и «чужих».

Главным критерием при идентификации тайных (секретных), как и условных, языков являются выполняемые ими функции и их иерархия.

В лингвистическом плане базовыми отличиями тайных (условных) языков, как и аргю, считается то, что они созданы на основе естественного языка окружения, «не имеют искусственно созданной грамматической системы и существуют на базе разговорной речи» [Серебренников, 1970: 486]. Вокабуляр такой арготирующей группы выполняет помимо коммуникативной, когнитивную (эпистемологическую) и аккумулятивную функции, давая возможность на основе познания действительности аккумулировать знания, сохранять и передавать кодированную вербальную информацию.

Арготические разновидности вызваны социальными факторами, образом жизни, укладом или профессией его носителей, их локализацией. Эти социолекты могут использоваться как секретные, но определение «секретный» относится не к форме, а к функции. Такой язык является профессиональным инструментом и обеспечивает безопасность нередко подвергаемой преследованиям группы (см., например, [Оранский, 1983: 31–32; Pstrusińska, 2013: 20]). Именно этот факт социально обуславливает сближение с маргинализированными группами и их языком. В данном аспекте механизм поддержания

¹²⁷ Проникновение этих групп на иранские земли возводится к началу V века. Иранский историк ал-Исфахани (X в.), сообщает, что по просьбе сасанидского царя Бахрама V (420–438) правитель Индии отправил в разные части Ирана 12 000 певцов и танцоров; те же сведения отражены и в «Шахнаме» Фирдоуси, где говорится, что индийский царь послал Бахраму для развлечения его подданных 10 000 певцов и певиц (Шахнаме, ред. Н.М. Османов и А. Нушин, 1968: VII/451, стихи 2557–2561) [Rezai Baghbidi, 2025: 19].

«границ» связан с социоэкономическим статусом и социолингвистической идентичностью группы с установкой на обособление.

Сходные сферы использования тайноречия выделяются в этом круге социолектов на русском материале. Так, М.Н. Приёмышева выявляет дифференциальные отличия «тайных (условных) языков арг» от ближайших к ним по «нелитературной» зоне социальных диалектов – «корпоративных жаргонов» и «профессиональной речи (профессионального просторечия)», – представленных в целом ряде типологий. В сфере их использования выделяют: социально-символическую, игровую (людическую), коммуникативную, экспрессивную. Она же дает обзор функциональных аспектов тайноречия, отмечая их близость к функциям воровского арг (по М. А. Грачёву) [Приёмышева, 2009а: 10–11, 5; 2009: 36–46].

Близкий набор функций выделен в качестве основного для «профессионального арг»: идентифицирующая (определяющая внутригрупповую статусную позицию), коммуникативно-сигнификативная (криптолалическая, т.е. передающая информацию посвященным при исключении непосвященных из содержания акта коммуникации), людическая (основанная на языковой игре, а для условных языков подчеркивающая еще и развлекательный аспект) и эмотивная (транслирующая отношение говорящего к сообщаемому факту с установкой на передачу эмоционального состояния посредством выразительных средств) [Ретинская, 2011: 208].

Классификация социолектов, данная в [Солнышкина и др., 2014: 130], служит основой при разработке нами модели для ираноязычных сообществ и их языков. Мы принимаем широкую трактовку термина арг для идиомы закрытых сообществ, включая под эгидой термина арг тайные языки (тайноречие, криптолект) и условные языки, и предлагаем в качестве рабочей модели вариант классификации социолектов для ираноязычного мира (Таблица 2)].

Такое разделение находит подтверждение в разработанной М.Н. Приёмышевой типологии русского тайноречия, в которой выделены *номатический* (от лат. *nomēn* ‘имя, название’) и *семантический* типы. К первому отнесены типы языковых единиц, в которых «условной» оказывается форма слова; этот тип соотносится с понятием «условные языки». Ко второму – такие разновидности, в которых условными оказываются значения общеизвестных слов. Этот тип может быть соотнесен с термином «тайные языки», так как кодированные (условные) значения общеупотребительных слов не позволяют окружающим выявить сам аспект «символической» коммуникации [Приёмышева, 2008: 107–109].

Предлагается расширить реализованные в низком регистре формы за счет уточнения рода жаргона, включив такие как молодежный, профессиональный и экспрессивно-разговорные формы для открытых сообществ, а для закрытых сообществ ввести в качестве уточнения к термину арг (используемого расширительно и служащего «зонтиком»), подкатегории тайный и условный языки.

Первый тип (условные языки) выделяется с опорой на назначение социолектов – служить средством коммуникации при установке на тайноречие для лиц определенной группы, корпорации, имеющей общие гендерные и возрастные отличия. Такой тип, как правило, встречается в молодежных группах, где намерением является социальная игра и развлечение.

Второй (тайные языки) сохраняет связь с тайноречием и нацеленностью на социальную исключительность в рамках социума. К нему относятся традиционные тайные языки сословных объединений, торговцев, воинов и охотников, ремесленников-отходников, а также социально изолированных конфессиональных групп. В настоящее время сохранились либо письменно зафиксированные сведения о них в научной литературе, либо остатки лексического тезауруса ремесленно-торговой и/или охотничьей лексики. Все эти разновидности носят характер тайноречия, отдельные разновидности данной категории применяются в религии и целительстве¹²⁸.

Таблица 2.

Классификация ираноязычных социолектов

Признаки сообщества/ социолекта	Открытое	Закрытое
Реализован в двух регистрах (высоком и низком)	профессиональный подъязык	шифр
Реализован только в низком регистре	жаргон (молодежный, профессиональный), экспрессивно-разговорные формы	арго: а) условный язык (демографически маркированный) б) тайный язык (сословно- профессиональный, этноконфессиональный)

Среди миноритариев, владеющих национальными персидским, дари или таджикским, и родными региональным или локальным языком, или идиомом, не имеющим официального статуса, например, тати или ягнобский, последний ассоциируется, главным образом, с

¹²⁸ См. подробнее [Оранский, 1983: 35; Pstrusińska, 2013:18].

семейными ценностями, а общенациональный (персидский/таджикский язык) с религией, работой и образованием, т. е. комплексом ценностей, связанным со статусом.

2.1.1 Социодинамика современности: преобразования в сфере применения

Все сферы применения традиционного тайноречия в социуме в современных условиях сокращаются и фрагментируются. Но несмотря на динамичную смену социокультурных стереотипов для ираноязычного мира тайных языков все еще характерно их сохранение в памяти населения и применение в рамках небольших анклавов старого мира представителей профессиональных сообществ старшего поколения, в фольклоре, а также в семье¹²⁹. В последнем случае, при сохранении традиционных гендерных образцов поведения и этикетных форм обхождения (*та'роф*), все еще находит место система кодирования информации и передачи ее как знаковой (в виде вербальных (звуковых сигналов в ходе деятельности, слов, выражений) и невербальных (жестовых и мимических) сигналов).

В современных условиях активизации процессов глобализации, трансмиграции и языковых сдвигов и исчезновением традиционных изолированных сословных групп и их тайных социолектов в качестве секретных применяются многие естественные миноритарные языки (такие как зороастрийский дари, мазандеранский, тати, талышский, ягнобский)¹³⁰.

В условиях диаспоральных сообществ, проживающих в Евразии, Америке, Австралии, в ситуацию миноритариев попадают и группы, говорящие на крупных национальных языках, таких как персидский, дари, таджикский, а также представители этнорелигиозных групп, говорящие на памирских языках, белуджском, хазара, еврейско-таджикских и еврейско-персидских диалектах, джухури, языках ираноязычных «странствующих» групп и пр. В этих новых социокультурных и социолингвистических условиях такие этнические языки применяются в качестве секретных и получают дополнительные криптолалические функции.

2.2 Закономерности построения и модели языкового кодирования

Как отмечает А.Л. Хромов, в лингвистическом плане тайные (секретные) и условные языки занимают промежуточное положение между естественными языками и искусственными, сознательно создаваемыми семиотическими системами [Хромов, 1976].

¹²⁹ Подробнее о фамилектах см. [Sabzalipour, Delgarm, 2016; Hosseini-Ma'sum, 2014].

¹³⁰ О роли этнических языков в функции секретных в Афганистане см. [Kieffer, 1982; Pstrusińska, 2013:18].

2.2.1 Условные языки

К этому типу относится лексика национального языка, подвергнутая своего рода языковой игре, искусственному языковому манипулированию.

Такие условные языки встречаются в основном среди молодежных (уличные детские, школьные и студенческие коллективы, различающиеся по возрастным когортам) и отчасти профессиональных групп, в намерения которых входит языковая игра с системой конвенциональных правил, которые соблюдаются при коммуникации, и/или развлечение в часы досуга.

В таких случаях применяются в основном фонетико-морфологический и фонетический (субституция фонем, вставка/замена звуков, метатеза, перестановка согласных, слогов или частей слов, чтение наоборот и пр.), морфолого-синтаксический способы словопроизводства (описание и примеры см. подробнее в [Хромов, 1976, а также Галунов, 1932]). Сходные приемы выработаны и в русских арго, см. [Бондалетов, 1980: 62–64; 2016; Приёмышева, 2008: 106; 2009].

Подробнее материалы ягнобского и памирских условных языков см. [Хромов, 1972; 1974; 1976; Климчицкий, 1940], на таджикской основе [Оранский, 1983: 30–48; Хромов, 1974; 1976]. Аналогичные языки обнаружены у осетин (*чызджыты æвзаг* ‘девичий язык’), у курдов и др.¹³¹.

2.2.2 Тайные языки

С термином «тайные языки» может быть соотнесен в первую очередь семантический тип тайноречия, так как кодирование значений конвенциональной лексики препятствует выявлению акта «символической» коммуникации. Наряду с этим при выработке словаря в данном подтипе привлекаются приемы, связанные с номатическим типом, когда осуществляется кодирование внутренней формы лексемы, что может соответствовать полутерминологическому наименованию – «условные языки» [Приёмышева, 2008: 108].

В такие словари нередко входили кроме лексики и идиоматические выражения. «Эволюция шла от секретного языка злоумышленников к особой фразеологии и затем к речи как сигналу или знаку определенной социальной принадлежности» [Скворцов, 1980: 165].

¹³¹ Ср. аналогию осетинской разновидности и «бесовского языка» (груз. *kajuri ena*) на грузинской почве [Ахвледиани, 1960], а также описание языка *фарсыбз* у адыгов, который появился в результате их древних культурных связей с Ираном и который понимается как «язык фарси» [Кишев, 1986: 115].

Это языки, а точнее их словарь, которые создавались специально, чтобы не быть понятными окружающим, и чтобы только ограниченный круг людей имел доступ к передаваемой информации. Формирование лексического тезауруса в тайных языках сосредоточено главным образом на лексико-семантических и словообразовательных элементах, вводятся новые для языка слова, неологизмы, меняются значения существующих слов, для образования слов эзотерического назначения применяется оноματοпеический принцип, всевозможные эвфемизмы, намеки, аллегории и коннотации. Тайные словари включают в себя в трансформированном виде конкретную лексику (названия частей тела, явлений природы, ремесленную терминологию), небольшой набор глаголов, а также числительные и местоимения. Так, в секретном языке ягнобцев С.И. Климчицкий отмечает переосмысление лексического материала, значительный объем иносказаний и метафор, введение рядов синонимичных эпитетов, название предмета передается по характерному признаку или действию [1940: 106–110; Троицкая, 1948: 251].

Использовались также синтаксические ресурсы общенародного или родного языка, широко привлекались заимствования, за счет чего шло обогащение символического языка на основе местных традиций. Применялись и разные способы введения дополнительных звуков/букв, замены или перестановки слогов, принятые в условных языках.

Ряд групп, применявших тайноречие, пользовался и тайнописью на основе арабско-персидской графики, что особенно актуально для религиозной и целительской деятельности.

В арготическом словаре “*Kitāb-e Sāsiyān*”, помимо тематического словаря, представлен также вокабуляр особого арготического секты *ахли илахи* и приведены засекреченные названия городов и местностей, таких как Самарканд, Бухара, Мерв, Балх, Нишапур, Герат, Гилян, Дайлам) [Ivanow, 1922: 383; Оранский, 1983: 38; Троицкая, 1948].

По письменным источникам известен специальный арабско-персидский технический словарь суфийских терминов, который в современных условиях не является в полной мере тайным, так как доступен широкому кругу читателей. В период становления закрытой суфийской группы конструирование символических образов происходило на основе концептуально значимых идей и доктрин и выражалось в формировании ключевого вокабуляра конвенционального словаря. Такой символический язык (например, язык суфиев, секты ахл-и хакк, исмаилитов и пр.) представляет собой сложную систему метафор и аллегорий, используемых для выражения особого эзотерического (мистического) опыта и восприятия духовных истин, которые трудно передать профанным языком. Этот язык включает в себя

символы, связанные с жизненными ценностями, отдельными аспектами человеческого существования, передает глубинные духовные концепции и систему взглядов. Передача духовных замыслов через метафоры и аллегории в этом символическом языке делает их доступными для понимания широкой аудитории, на которую они направлены в целях обращения. Суфийский язык – сложная система взаимосвязанных образов с разработкой словаря символов, что позволило суфиям передавать свой опыт условным мистико-аллегорическим языком. В этом языке была разработана собственная терминология, описывающая в зависимости от необходимости различные морально-нравственные характеристики, духовный мир и путь, уровни и состояния сознания и пр.

В силу установки на максимальное «засекречивание» коммуникативного акта при реализации идеациональной, концептуально-мыслительной функции (отражающей использование языка для представления опыта, мыслей и восприятия) посредством языка выстраивается картина мира, охватывающая события и обстоятельства непосредственно той среды, в которой находится индивид, которые он переживает. В рамках реализации этой функции говорящий создает знания о мире вокруг и внутри себя, значения слов, отбирает грамматические средства, а также устанавливает логико-синтаксические отношения на уровне речи [Halliday, 2003: 17–18; Hasan, 2009], реализуя при этом структуры с определенным набором семантических компонентов.

Поскольку алогичные сообщения отвергаются, ищутся пути к семантическому преобразованию слов (в предложении) и к восстановлению пропущенных смысловых звеньев, их иносказательному истолкованию, в частности с опорой на поэзию, юмор [Арутюнова, 1976: 120–121] или дидактику и фольклор.

Имена нарицательные обладают полной семантической структурой, складывающейся из понятия (концепта), образуемого общими признаками класса реалий, и конкретного, индивидуального содержания, создаваемого в речи свойствами денотата, или референта; эти имена приложимы к предмету, относительно которого истинно их значение. Таким образом содержание «представляет собой стабильный элемент их семантической структуры, в то время как приобретаемое в речи денотативное содержание варьируется, дополняя понятийный “скелет” до индивидуальных и индивидуализируемых образов конкретных предметов. Денотативное наполнение идентифицирующей дескрипции, т. е. ее переменное (речевое) содержание, соответствует тому представлению о референте, которое является постоянным спутником имени собственного. Денотативные возможности имен нарицательных

обеспечиваются тем, что их значение описывает некоторые свойства предметов [Арутюнова, 1976: 327–328].

Все эти рассуждения могут быть в полной мере отнесены к сложному эзотерическому языку суфиев и прочих конфессиональных групп, разработавших вторичную систему значений со сдвигом по отношению к первичному значению с установкой на засекречивание сообщения высказывания.

Арготический лексикон профанных групп теми же методами (с привлечением дополнительных) создает вторичную кодовую лексическую систему, секретный (тайный) словарь, который является, как правило, пережиточным явлением и паразитирует на родном языке/диалекте, пользуясь его фонетикой и грамматикой [Оранский, 1983: 31]. В этой среде широко применялся способ прямой передачи мастером знаний и профессионального опыта ученику через истории и притчи, которые передавались втайне один на один или в узком кругу посвященных, чтобы избежать неправильного понимания. Разрабатывалась терминология, описывающая в зависимости от профессионально-корпоративной необходимости различные нравственные характеристики, уровни оценки работы, стадии труда и/или торговой сделки. Так представители данных групп передавали свои знания аллегорическим, кодовым языком, который не был доступен для непосвященных, но не внушал им подозрений. (Примеры см. в [Галунов, 1932; Sabzalipour, 2015]).

3 | В качестве заключения

На фоне современного сокращения числа традиционных обособленных групп и использования ими языков с функциями тайных, условных, имеющих узкие функциональные границы, происходит их вытеснение из социолингвистического ландшафта на места. Однако в современных условиях они сохраняются в памяти населения и применении старшим поколением в сословно-профессиональных сообществах, религиозных церемониях, фольклоре, целительстве и в семье. Тайная коммуникация все еще находит место при гендерно ориентированной традиционной системе этикета.

Условные языки остаточно встречаются в молодежных группах, однако данный языковой регистр заменяется общемолодежным жаргоном.

В условиях активно идущих процессов глобализации, трансмиграции и языкового сдвига во многих языках малочисленных групп эти естественные языки применяются в качестве секретных (в социуме и семье). Вместе с тем в диаспоральных сообществах Евразии,

Америки и Австралии в ситуацию миноритарных попадают и крупные национальные языки – персидский, дари, таджикский, а также языки этнорелигиозных групп.

ЛИТЕРАТУРА

- Арапов М.В.* (1990) Тайные языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 502.
- Арапов М.В.* (2016) Тайные языки (условные языки) // Большая российская энциклопедия. Том 31. М. С. 589.
- Арго // Викисловарь. Режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/apro> Дата обращения: 01.07.2025.
- Арутюнова Н.Д.* (1976) Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука.
- Асгари Л.* (2020) Условные языки и жаргоны, профессиональные языки в Иране // Иранское языкознание 2020. Труды международной научной конференции «Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения». Институт языкознания РАН, Москва, 18–20 октября 2018. М.: Языки Народов Мира; НВИ. С. 151–155.
- Ахвледиани Георгий.* (1960) Заметка о «девичьем языке» в осетинском // Ахвледиани Г. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси: Наша наука. №11–12, 1925 (на груз. яз.); Тбилиси.
- Ахманова О.С.* (1966) Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия. 608 с.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* (2001) Социоллингвистика. М.; 2е изд. 2019.
- Береговская Э. М.* (1975) Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск.
- Бондалетов В.Д.* (1966) Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. (Автореф. докт. дисс.). М.
- Бондалетов В.Д.* (1974) Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Условные языки как особый тип социальных диалектов / под ред. чл.-кор. АН СССР Ф.П. Филина. Рязань.
- Бондалетов В.Д.* (1980) Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство: Учебное пособие к спецкурсу. Рязань. 75 с.
- Бондалетов В.Д.* (1987) Социальная лингвистика. М.
- Бондалетов В.Д.* (1990) Иноязычная лексика в русских арго: Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев. 112 с.
- Бондалетов В.Д.* (1992) Финно-угорские заимствования в русских арго. Самара. 60 с.
- Бондалетов В.Д.* (2016) Арго – уникальный источник изучения народного языка // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сборник материалов и исследований международной научной конференции. Кострома, 7–9 нояб. 2016 г. Кострома: КГУ. С. 56–63.
- Бондалетов В.Д.* (2017) Идиолекты носителей арготического тайноречия // Вестник Костромского государственного университета. Специальный выпуск. С. 33–36.
- Вандриес Ж.* (1937) Язык. Лингвистическое введение в историю. Пер. с фр. М.
- Васильева и др.* (1995) – *Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Рус. яз. 176 с.
- Галунов Р.А.* (1932) Материалы для словаря эстелататов в Персии (Отражение классовых и профессиональных группировок в языке) // Записки Института востоковедения АН СССР. I. М. С. 291–321.

- Герд и др. 2009 – Герд А.С., Ивашко Л.А., Лутовинова И.С., Поцепня Д.М., Васильева О.В., Генералова Е.В., Гребеничиков А.О., Денисенко Ю.Ф., Зиновьева Е.И., Мокиенко В.М., Пурицкая Е.В., Тарасова М.А., Фоякова О.И., Щекин А.С. (2009), Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации, ред. Д.М. Поцепня, Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка», Санкт-Петербург.
- Жеребило Т.В. (2010) Словарь лингвистических терминов. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим». 486 с.
- Кишев А.С. (1986) О «тайных» языках адыгов // Этнографическое обозрение. 4. С. 11–116.
- Климчицкий С.И. (1940) Секретный язык ягнобцев и язгулямцев // Труды Таджикской базы АН СССР, IX. История – Язык – Литература. М.–Л. С. 104–118.
- Оранский И.М. (1961) Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. Этнографическая группа «каволь» в Кулябе и ее аргы // Краткие сообщения Института народов Азии», LX.
- Оранский И.М. (1964) Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии: Материалы для изучения аргы этнографической группы Джуги (Гиссарская долина) // Иранская филология. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Оранский И.М. (1966) Таджикоязычная этнографическая группа чистони в районе Сары-Асия (Узбекская ССР), ее диалект и аргы (Из материалов научной командировки 1964 г. в Среднюю Азию) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА март 1966 года. Ленинград. С. 64–65.
- Оранский И.М. (1971) О термине «мазанг» в Средней Азии // Страны и народы Востока. Средняя и Центральная Азия: география, этнография, история. М. С. 202–207.
- Оранский И.И. (1977) Фольклор и язык гиссарских парья (Средняя Азия). Введение, тексты, словарь. М.
- Оранский И.И. (1983) Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины Средней Азии. Этнолингвистическое исследование. М.
- Петрушевский И.П. (1966) Ислам в Иране в VII–XV веках. Курс лекций. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Приёмщикова М.Н. (2008) Опыт структурной классификации тайных языков (на материале тайных языков России XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Серия Общественные и гуманитарные науки (философия, история, культурология, языковедение, литературоведение, право). 11(72). С. 105–112.
- Приёмщикова М.Н. (2009) Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 1. СПб.: Нестор-История. 455 с.
- Приёмщикова М.Н. (2009а) Тайные и условные языки в России XIX в. Историко-лингвистический аспект. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2009. 48 с.
- Ретинская Т.И. (2008) Ключевой этап описания некодифицированного языка (на материале французских профессиональных аргы) // Ученые записки орловского государственного университета научный журнал Серия «Гуманитарные и социальные науки» № 1. Орел. С. 98–102.
- Ретинская Т.И. (2011) О понятиях «профессиональное аргы» и задачах современной арготологии // Ученые записки Орловского государственного университета. №1. С. 206–210.

- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. (1985) Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителя. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение. 400 с.
- Ромаскевич А.А. (1945) К вопросу о жаргоне иранских дервишей // Иранские языки I, под ред. В.И. Абаева, М.: АН СССР. С. 141–144.
- Серебренников Б.А. (1970) Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.
- Скворцов Л.И. (1980) Теоретические основы культуры речи. М.: Институт русского языка РАН.
- Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Солнышкина и др. – Солнышкина М.И., Зиганишина Ч.Р., Гараева Л.М. (2014) Социолектология: современное состояние и проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. № 4 (23). С. 125–134.
- Троицкая А.Л. (1948) Abdoltili – аргс цеха артистов и музыкантов Средней Азии // Советское востоковедение. Ленинград. Вып. 5. С. 251–274.
- Туманян Э.Г. (1985) Язык как система социолингвистических систем. Синхронно–диахроническое исследование. М.
- Ушаков Д.Н. (2020) Большой толковый словарь русского языка. М.: «Хит книга». 816 с.
- Химик В.В. (2000) Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. Санкт-Петербург.
- Хромов А.Л. (1972) Ягнобский язык. / Отв. ред.: Д.Т. Таджиев, Р.Х. Додыхудоев. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 208 с.
- Хромов А.Л. (1974) Об условных языках некоторых ираноязычных народов. Тезисы доклада // Актуальные вопросы исследования иранских языков и диалектов. Тезисы докладов. Академия наук СССР. Институт языкознания. М. С. 30.
- Хромов А.Л. (1976) Условные языки у иранских народов // Восточная филология. Выпуск IV. Душанбе. С. 3–19.
- Шахнарович А.М. (1990) Аргс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. С. 43.
- Шахнарович А.М. (1998) Аргс // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.
- Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. (1978) Введение в социолингвистику. М.
- Amanolahi S. (1978) A Note on the Secret Language of the Traditional Musicians of Iran. Journal of the Gypsy Lore Society, Vol. 1, no. 4. pp. 283–286.
- Amanolahi S., Norbeck E. (1975) The Luti, an outcaste group of Iran. Rice University Studies. vol. 61/2. pp. 1–12.
- Blake B.L. (2010) Secret language: Codes, tricks, spies, thieves, and symbols. Oxford: University Press.
- Bosworth C.E. (1976) The Mediaeval Islamic Underworld, the Banū Sāsān in Arabic Society and Literature. I, II: The Arabic jargon texts, 2 vols. Leiden.
- Calvet Louis-Jean (1994) *L'argot (que sais-je?)*. Presses Universitaires de France.
- Dauzat A. (1929) Les argots: caractères, évolution, influence. Paris.
- Eble C. (2004) Slang and Antilanguage / Slang and Argot. In U. Ammon & N. Dittmar (Eds.), *Sociolinguistics: An international handbook of the science of language and society* (2nd completely revised and extended ed.). Berlin/New York: de Gruyter. Vol. 1. pp. 262–267.
- Gauthiot R. (1913) Compte rendu de la mission au Turkestan russe. Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 57–59. pp. 671–680.
- Halliday M.A.K. (2003) On the “architecture” of human language. In *On Language and Linguistics*. Volume 3 in The Collected Works of M.A.K. Halliday. London and New York: Equinox.

- Hancock I.F.* (1995) On the Migration and Affiliation of Domba: Iranian Words in Rom, Lom and Dom Gypsy. In Yaron Matras (ed.). *Romani in Contact. The History, Structure and Sociology of a Language*. Amsterdam. pp. 25–51.
- Hanifi M. Jamil.* Jāt. *Encyclopædia Iranica*, 2008. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/jat/> Access date: 01.04.2025.
- Hasan R.* (2009) *Wanted: a theory for integrated sociolinguistics*. London: Equinox.
- Hearder W.P.* (1973) *L'argot dans l'oeuvre d'Albertine Sarrazin*. Hamilton: McMaster University.
- Ivanow Wladimir* (1914) On the Language of the Gypsies of Qainat (in Eastern Persia). *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 10, pp. 438–453.
- Ivanow Wladimir* (1920) Further Notes on Gypsies in Persia, *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*. NS. 16. pp. 281–291.
- Ivanow Wladimir* (1922) An Old Gypsy-Darwish Jargon. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*. NS. 18. 1922 [1923]. pp. 375–383.
- Ivanow Wladimir* (1927) Jargon of Persian Mendicant Darwishes. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*. N.S. 23. pp. 243–245.
- Koskensalo A.* (2015) Secret Language Use of Criminals: Their Implications to Legislative Institutions, Police, and Public Social Practices. *Sino-US English Teaching*, July 2015, Vol. 12, No. 7. pp. 497–509.
- Kieffer Ch. M.* (1982) AFGHANISTAN v. Languages. In: *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/afghanistan-v-languages> Access date: 10.03.2025.
- Lazard G.* (1978) Note sur le jargon des juifs d'Iran. *Journal Asiatique*. pp. 251–255.
- Littré E.* (1874) *Dictionnaire de la langue française*. Paris.
- Matras Y.* (1998) The Romani element in German secret languages, *Jenisch and Rotwelsch* // Y. Matras (Ed.), *The Romani element in non-standard speech*. Wiesbaden: Harrassowitz. pp. 193–230.
- Melikian Gurgen* (2002) On the Problem of Secret Languages and Slangs in Iran // *Iran & the Caucasus*. Vol. 6, No. 1/2. pp. 181–188.
- Michel Francisque* (1856) *Études de philologie comparée sur l'argot et sur les idiomes analogues parlés en Europe et en Asie*. Paris, (Esp. Argots de l'Asie, p. 487).
- Mirzaee Adeleh* (2021) Zargari, Morqi, Gondscheschki: Geheimsprachen im Iran // *ÖK Fenster*, the special magazine of the Austrian Cultural Forum in Tehran. 15 December. pp. 34–38.
- Petit Robert – *Le Nouveau Petit Robert* (1993) *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Éd. M. Legrain. Paris: Dictionnaire Le Robert.
- Phillot D.C.* (1907) A Note of Sign-, Gesture-, Code-, and Secret language, etc., amongst the Persians. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*. New Ser. 1907. III. pp. 619–622.
- Phillot D.C.* (1906) Note on the Jargon of Indian Horse Dealers. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, II, 530. 3/9.
- Pstrusińska J.* (1986) Some notes on an unknown language of northern Afghanistan. *Journal of the Anthropological Society of Oxford*, vol. XVII, no 2, Trinity.
- Pstrusińska J.* (1990) On the origin of vocabulary in the Central Asian secret languages. R. Dor (red.), *L'Asie centrale et ses voisins. Influences réciproques. Colloques langues'O*. Paris-INALCO.
- Pstrusińska J.* (2004; 2013) *O tajnych językach Afganistanu i ich użytkowników*, Kraków: Księgarnia Akademicka academic publishing house, 2004; Eng. Tr.: *Secret Languages of Afghanistan and Their Speakers*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013.
- Ramaseena*, or a Vocabulary of the peculiar Language used by the Thugs, with an Introduction and Appendix, descriptive of the System pursued by that Fraternity and of the Measures which have been adopted by the Supreme Government of India for its Suppression (1836). Calcutta: G.H. Uttmann, 2 volumes.

- Rao Aparna* (1986) Peripatetic minorities in Afghanistan. Image and Identity // E. Orywal (ed.), Die ethnischen Gruppen Afghanistans, Fallstudien zu Gruppenidentität und Intergruppenbeziehungen, Beihefte zum tübinger Atlas des vorderen Orients, Reihe B, (Geisteswissenschaften), No. 70. Wiesbaden, pp. 254–283.
- Rao Aparna* (1995) Marginality and language use: the example of peripatetics in Afghanistan // *Journal of the Gypsy Lore Society*. 5 (2), pp. 69–95.
- Rezai Baghbidi Hassan* (2025) The Gypsy Languages of Iran An Overview // *Currents of Metamorphosis across the Indian Ocean* / Hiroko Nagasaki, So Yamane, Yutaka Kawasaki (eds.). The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA. Kyoto and Vizianagaram, pp. 19–47.
- Sadeqpur Abdolrasul* (2007) Notes on the Secret language of House-builders in Ābāde // *Iran & the Caucasus*. Vol. 13, no. 1 (2009), pp. 135–139.
- Sainéan Lazare* (1907) Argot ancien (1455–1850). Ses éléments, ses constitutifs, ses rapports avec les langues secrètes de l'Europe Méridionale et l'Argot moderne. Avec un Appendice sur l'Argot jugé par Victor Hugo et Balzac. Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Sainéan Lazare* (1912) Les sources de l'argot ancien. Tome 1. Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Samaei Seyed Mehdi, Azimi Marzie* (2023) The argot used by clothing merchant in Tehran // *Dialectologia* 30, pp. 177–189.
- Schwartz M.* (2012) 'Loterā'i' // *Encyclopaedia Iranica*, ed. E. Yarshater, Online Edition. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/loterai> Access date: 10.03.2025.
- Schwartz M.* (2018) On some Iranian secret vocabularies, as evidenced by a fourteenth century Persian manuscript // *Alireza Korangy, Corey Miller* (eds.) *Trends in Iranian and Persian Linguistics*. 313. Berlin/Boston: Mouton, Walter de Gruyter GmbH, pp. 69–79.
- Steingass F.J.* (1982) *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature*. London: Routledge & K. Paul.
- Vidocq Eugène-François* (2002) *Dictionnaire argot-français*. Éditions du Boucher.
- Yarshater Ehsan* (1977) The Hybrid Language of the Jewish Community of Persia // *Journal of the American Oriental Society*. 97/1, pp. 1–7.
- Yarshater Ehsan* (2009) x. JUDEO-PERSIAN JARGON (Loterā'i) // *Encyclopædia Iranica* XV/2, (2018), pp. 156–160.

In Persian

- Amiri, R., Fallahi, M.-H.* (2023) The Investigation of a Coded Language: Ghosh Dili or Ayereh Dil in the Sarui Clan of the Qashqai Tribe. *Faslnāme-ye zabānshenāsi-ye ejtemā'i* / *Journal of Sociolinguistics*, No.1. pp. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.30473/il.2023.54481.1392> (In Persian).
- Bolukbāshi, A.* (2001) Zabānhāye ramzi dar Irān [Secret languages of Iran]. *Ketābe māhe honar*. Tehrān. No. 35, 36. pp. 18–27. (In Persian).
- Hosseini-Ma'sum, S.M.* (2014) Yek Zabān-e Ramzi-ye Xānevādegi-ye Xās dar Mashhad [Secret Languages in Folkloric Culture; The Dialectal Analysis of a Family Secret Language in Mashhad] // *Farhang va Adabiyyāt-e Āmme*, 2 (3). pp. 25–48. (In Persian).
- Kiyā, S.* (1961), *Rāhnamā-ye Gerdāvari-ye Guyeshā* [Instruction on collection of the dialects]. Tehran: Enteshārāt e Edāre-ye Farhang-e Āmme. (In Persian).
- Sabzalipur, J., and Delgarm, R.* (2016) Zabān-e Maxfi-ye Arrānaji yā Qarqadili dar Manāteq-e Tātnešin-e Khalkhāl [Secret language Arranaji/Qrqadili in the Tati area of Khkalkhal]. *Zabānshenāsi-ye Ejtemā'i*, year 1, no. 1. pp. 37–48. (In Persian).

Sotude, M. (1962) Lahje-ye Seb Selyari [Selyari dialect of Seb]. *Farhang-e Irān Zamin*, no. 10. pp. 471–477. (In Persian).

REFERENCES

- Arapov, M.V. (1990) Taynyye yazyki [Secret languages]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, p. 502. (In Russian).
- Arapov, M.V. (2016) Taynyye yazyki (uslovnyye yazyki) [Secret languages (conventional languages)]. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*, tom 31. Moscow, p. 589. (In Russian).
- Argo. *Wiktionary*. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/apro> Access date: 01.07.2025. (In Russian).
- Asgari, L. (2020) Uslovnyye yazyki i zhargony. Professional'nyye yazyki v Irane [Conventional languages and jargons. Professional languages in Iran]. In: *Iranskoye yazykoznaniye 2020. Trudy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Chteniya pamyati B.B. Lashkarbekova k 70-letiyu so dnya rozhdeniya»*. Institut yazykoznaniya RAN, Moskva, 18–20 oktyabrya 2018. Moscow: YAzyki Narodov Mira; NVI, pp. 151–155. (In Russian).
- Akhvlediani, Georgiy (1960) Zametka o “devich'yem yazyke” v osetinskom [Note on the “Maiden Language” in Ossetian language]. In: Akhvlediani G. *Sbornik izbrannykh rabot po osetinskomu yazyku*. Tbilisi, 1960; na gruz. yaz.: Nasha nauka, №11–12, 1925. (In Russian; Georgian).
- Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. 608 p. (In Russian).
- Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow; 2nd ed. 2019.
- Beregovskaya, E.M. (1975) *Sotsial'nyye dialekty i yazyk sovremennoy frantsuzskoy prozy* [Social Dialects and the Language of Modern French Prose]. Smolensk. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1966) *Uslovno-professional'nye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev* [Coded professional languages of Russian artisans and traders]. Synopsys of the thesis. Moscow. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1974) *Uslovnyye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev. 1: Uslovnyye yazyki kak osoby tip sotsialnykh dialektov* [Coded languages of Russian artisans and traders. 1. Coded languages as a special type of social dialect]. Ed. by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences F.P. Filin. Ryazan'. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1980) *Uslovnyye yazyki russkikh remeslennikov i torgovtsev. Slovoпроизводство: Uchebnoye posobiye k spetskursu* [Coded languages of Russian artisans and traders. Word production: A textbook for a special course]. Ryazan'. 75p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1987) *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1990) *Inoyazychnaya leksika v russkikh argo: Uchebnoye posobiye k spetskursu* [Foreign-language vocabulary in Russian argot: A tutorial for a special course]. Kuybyshev. 112 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1992) *Finno-ugorskiye zaimstvovaniya v russkikh argo* [Finno-Ugric borrowings in Russian argot]. Samara. 60 p. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2016) Argo – unikal'nyy istochnik izucheniya narodnogo yazyka [Argot – a unique source for studying the folk language]. *Gromovskiy chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray: sbornik materialov i issledovaniy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Kostroma, 7–9 noyabrya 2016 g.* Kostroma: KGU, pp. 56–63. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (2017) Idiolekty nositeley argoticheskogo taynorechiya [Idiolects of speakers of argot secret speech]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Spetsial'nyy vypusk*, pp. 33–36. (In Russian).

- Vandriyes, Z.H. (1937) *Yazyk. Lingvisticheskoye vvedeniye v istoriyu* [Language. Linguistic introduction to history]. Tr. from French. Moscow. (In Russian).
- Vasil'yeva et al. (1995) – Vasil'yeva, N. V., Vinogradov, V. A., Shakhnarovich, A. M. *Kratkiy slovar' lingvisticheskikh terminov* [A brief dictionary of linguistic terms]. Moscow: Rus. yaz. 176 p. (In Russian).
- Galunov, R.A. (1932) *Materialy dlya slovarya estelahatov v Persii (Otrazheniye klassovykh i professional'nykh gruppировок v yazyke)* [Materials for the dictionary of estelahats in Persia (Reflection of class and professional groupings in the language)]. *Zapiski Instituta vostokovedeniya AN SSSR*. I. Moscow, pp. 291–321. (In Russian).
- Gerd et al. 2009 – Gerd, A. S., Ivashko, L. A., Lutovinova, I. S., Potsepnya, D. M., Vasil'yeva, O.V., Generalova, Ye. V., Grebenshchikov, A. O., Denisenko, Yu. F., Zinovyeva, Ye. I., Mokiyenko, V.M., Puritskaya, Ye.V., Tarasova, M.A., Fonyakova, O.I., Shchekin, A.S. (2009). *Leksikografiya russkogo yazyka: uchebnik dlya vysshih uchebnyh zavedenij Rossijskoj Federacii* [Leksikografy of the Russian language: textbook for higher education of Russian Federation]. Ed. by D.M. Potsepnya, *Uchebno-metodicheskiy kompleks po kursu «Leksikografiya russkogo yazyka»*, Sankt-Peterburg. (In Russian).
- Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Izd. 5-ye, ispr. i dop. Nazran: OOO «Piligrim». 486 p. (In Russian).
- Klimchitskiy, S.I. (1940) *Sekretnyy yazyk yagnobtsev i yazgulyamtsev* [The secret language of Yaghnobis and Yazghulamis]. *Trudy Tadzhikistanskoy bazy AN SSSR*, IX. Istoriya – Yazyk — Literatura. Moscow–Leningrad, pp. 104–118. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1961) *Novye svedeniya o sekretnykh yazykakh (argo) Sredney Azii. Etnograficheskaya gruppa «kavol'» v Kulyabe i yeye argo* [New information about the secret languages (argot) of Central Asia. The ethnographic group “Kawol” in Kulyab and its argot]. In: *Kratkiye Soobshcheniya Instituta Narodov Azii*, LX. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1964) *Novye svedeniya o sekretnykh yazykakh (argo) Sredney Azii: Materialy dlya izucheniya argo etnograficheskoy gruppy Dzhugi (Gissarskaya dolina)* [New information about the secret languages (argot) of Central Asia: Materials for the study of the argot of the ethnographic group of Jugi (Hissar Valley)]. In: *Iranskaya filologiya*. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1966) *Tadzhikoyazychnaya etnograficheskaya gruppa chistoni v rayone Sary-Asiya (Uzbezkaya SSR), yeye dialekt i argo (Iz materialov nauchnoy komandirovki 1964 g. v Srednyuyu Aziyu)* [Tajik-speaking ethnographic group Chistoni in the region of Sary-Asiya (Uzbek SSR), its dialect and argot (From the materials of the scientific mission of 1964 to Central Asia)]. In: *Pis'mennyye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. Tezisy dokladov II godichnoy nauchnoy sessii LO INA mart 1966 goda*. Leningrad, pp. 64–65. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1971) *O termine «mazang» v Sredney Azii* [On the term "mazang" in Central Asia]. In: *Strany i narody Vostoka. Srednyaya i Tsentral'naya Aziya: geografiya, etnografiya, istoriya*. Moscow. pp. 202–207. (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1977) *Fol'klor i yazyk gissarskikh par'ya (Srednyaya Aziya). Vvedeniye, teksty, slovar'* [Folklore and language of the Hissar Parya (Central Asia). Introduction, texts, dictionary]. Moscow (In Russian).
- Oranskiy, I.M. (1983) *Tadzhikoyazychnyye etnograficheskiye gruppy Gissarskoy doliny Sredney Azii. Etnolingvisticheskoye issledovaniye* [Tajik-speaking ethnographic groups of the Hissar Valley of Central Asia. Ethnolinguistic study]. Moscow (In Russian).

- Petrushevskiy, I.P. (1966) *Islam v Irane v VII–XV vekakh. Kurs lektsiy* [Islam in Iran in the 7th–15th centuries. Lecture course]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1966. (In Russian).
- Priomyshcheva, M.N. (2008) Opyt strukturnoy klassifikatsii taynykh yazykov (na materiale taynykh yazykov Rossii XIX v. [An attempt of structural classification of secret languages (based on the secret languages of Russia in the 19th century)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena. Seriya Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* (filosofiya, istoriya, kul'turologiya, yazykoznanie, literaturovedeniye. Pravo). 11(72), pp. 105–112. (In Russian).
- Priomyshcheva, M.N. (2009) *Taynyye i uslovnyye yazyki v Rossii XIX v.* [Secret and Conventional Languages in Russia in the 19th Century]. CH. 1. SPb.: Nestor-Istoriya. 455 p. (In Russian).
- Priomyshcheva, M.N. (2009a) *Taynyye i uslovnyye yazyki v Rossii XIX v. Istoriko-lingvisticheskiy aspekt* [Secret and Conventional Languages in Russia in the 19th Century. Historical and Linguistic perspective]. Avtoreferat diss. SPb.: Nestor-Istoriya. 48 p. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2008) Klyuchevoy etap opisaniya nekodifitsirovannogo yazyka (na materiale frantsuzskikh professional'nykh argo) [The key stage of describing an uncoded language (based on French professional argot)]. *Uchenyye zapiski orlovskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchnyy zhurnal. Seriya «Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki»* № 1. Orel, pp. 98–102. (In Russian).
- Retinskaya, T.I. (2011) O ponyatiyakh «professional'noye argo» i zadachakh sovremennoy argotologii [On the concepts of "professional argot" and the tasks of modern argotology]. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. №1, pp. 206–210. (In Russian).
- Romashevich, A.A. (1945) K voprosu o zhargone iranskikh dervishy [On the question of the jargon of Iranian dervishes]. In: *Iranskiye yazyki* / ed. V. I. Abaev. I. Moscow: AN SSSR, pp. 141–144. (In Russian).
- Rozental', D.E., Telenkova, M.A. (1985) *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobiye dlya uchitelya* [Dictionary and reference book of linguistic terms: a manual for teachers]. Izd. 3-ye, ispr. i dop. Moskva: Prosveshcheniye. 400 p. (In Russian).
- Serebrennikov, B.A. (1970) *Obshcheye yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General Linguistics. Forms of existence, functions, history of the language]. Moscow. (In Russian).
- Skvortsov, L.I. (1980) *Teoreticheskiye osnovy kul'tury rechi* [Theoretical foundations of speech culture]. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN. (In Russian).
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. V.YU. Mikhail'chenko. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN. 312 p. (In Russian).
- Solnyshkina, M.I., Ziganshina, CH.R., Garayeva, L.M. (2014) *Sotsiolektologiya: sovremennoye sostoyaniye i problemy* [Social dialectology: modern state and problems]. Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, YAzykoz. № 4 (23), pp. 125–134. (In Russian).
- Troitskaya, A.L. (1948) Abdoltili-argo tsekha artistov i muzykantov Sredney Azii [Abdoltili-argot of the guild of artists and musicians of Central Asia]. In: *Sovetskoye vostokovedeniye*. Leningrad. 5, pp. 251–274. (In Russian).
- Tumanyan, E.G. (1985) *YAzyk kak sistema sotsiolingvisticheskikh sistem. Sinkhronno-diakhronicheskoye issledovaniye* [Language as a system of sociolinguistic systems. Synchronous-diachronic study]. Moscow. (In Russian).
- Khromov, A.L. (1972) *Yagnobskiy yazyk* [Yagnobi Language]. Otv. red.: D.T. Tadzhiev, R.Kh. Dodykhudoev. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 208 p. (In Russian).

- Khromov, A.L. (1974) Ob uslovnykh yazykakh nekotorykh iranoyazychnykh narodov. Tezisy doklada [On the conventional languages of some Iranian-speaking peoples. Abstracts of the report]. In: *Aktual'nyye voprosy issledovaniya iranskikh yazykov i dialektov. Tezisy dokladov*. Akademiya nauk SSSR. Institut yazykoznaniya. Moscow. (In Russian).
- Khromov, A.L. (1976) Uslovnyye yazyki u iranskikh narodov [Conventional languages among Iranian peoples]. In: *Vostochnaya filologiya*. Vypusk IV. Dushanbe, 1976, pp. 3–19. (In Russian).
- Shakhnarovich, A.M. (1990) Argo [Argo(t)]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, p. 43. (In Russian).
- Shakhnarovich, A.M. (1998) Argo [Argo(t)]. In: *Yazykoznaniye: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow. (In Russian).
- Shveytser, A.D., Nikol'skiy, L.B. (1978) *Vvedeniye v sotsiolingvistiku* [Introduction to sociolinguistics]. Moscow. (In Russian).
- Amanolahi, S. (1978) A Note on the Secret Language of the Traditional Musicians of Iran. *Journal of the Gypsy Lore Society*, Vol. 1, no. 4, pp. 283–286.
- Amanolahi, S., Norbeck, E. (1975) The Luti, an outcaste group of Iran. *Rice University Studies*. vol. 61/2, pp. 1–12.
- Blake, B.L. (2010). *Secret language: Codes, tricks, spies, thieves, and symbols*. Oxford: University Press.
- Bosworth, C.E. (1976) *The Mediaeval Islamic Underworld, the Banū Sāsān in Arabic Society and Literature*. I, II: The Arabic jargon texts, 2 vols. Leiden.
- Calvet, Louis-Jean (1994). *L'argot (que sais-je?)*. Presses Universitaires de France.
- Dauzat, A. (1929) *Les argots: caractères, évolution, influence*. Paris.
- Eble, C. (2004) Slang and Antilanguage/Slang and Argot. In U. Ammon & N. Dittmar (Eds.), *Sociolinguistics: An international handbook of the science of language and society* (2nd completely revised and extended ed., Vol. 1). Berlin/New York: de Gruyter, pp. 262–267.
- Gauthiot, R. (1913) Compte rendu de la mission au Turkestan russe. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 57–59, pp. 671–680.
- Halliday, M.A. K. (2003) On the “architecture” of human language. In: *On Language and Linguistics*. Volume 3 in The Collected Works of M.A.K. Halliday. London and New York: Equinox. p. 18.
- Hancock, I.F. (1995) On the Migration and Affiliation of Domba: Iranian Words in Rom, Lom and Dom Gypsy. In Yaron Matras (ed.). *Romani in Contact. The History, Structure and Sociology of a Language*. Amsterdam, pp. 25–51.
- Hanifi, M. Jamil. Jāt. *Encyclopædia Iranica*, 2008. Available at: <https://www.iranicaonline.org/articles/jat/> Access date: 01.04.2025.
- Hasan, R. (2009) *Wanted: a theory for integrated sociolinguistics*. London: Equinox.
- Header, W.P. (1973) *L'argot dans l'oeuvre d'Albertine Sarrazin*. Hamilton, McMaster University.
- Ivanow, Wladimir. (1914) On the Language of the Gypsies of Qainat (in Eastern Persia). *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 10, pp. 438–453.
- Ivanow, Wladimir. (1920) Further Notes on Gypsies in Persia, *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, NS. 16, pp. 281–291.
- Ivanow, Wladimir. (1922) An Old Gypsy-Darwish Jargon. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, NS. 18. 1922 [1923], pp. 375–383.
- Ivanow, Wladimir. (1927) *Jargon of Persian Mendicant Darwishes*. *Journal [and Proceedings] of the Asiatic Society of Bengal*, N.S. 23, pp. 243–245.

- Koskensalo, A. (2015) Secret Language Use of Criminals: Their Implications to Legislative Institutions, Police, and Public Social Practices. In: *Sino-US English Teaching*, July 2015, Vol. 12, No. 7, pp. 497–509.
- Kieffer, Ch.M. (1982) AFGHANISTAN v. Languages. In: *Encyclopaedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/afghanistan-v-languages> Access date: 10.03.2025.
- Lazard, G. (1978) Note sur le jargon des juifs d'Iran. *Journal Asiatique*, pp. 251–255.
- Littré, E. (1874) *Dictionnaire de la langue française*. Paris.
- Matras, Y. (1998). The Romani element in German secret languages, Jenisch and Rotwelsch // Y. Matras (Ed.), *The Romani element in non-standard speech*. Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 193–230.
- Melikian, Gurgun (2002). On the Problem of Secret Languages and Slangs in Iran. *Iran & the Caucasus*. Vol. 6, No. 1/2, pp. 181–188.
- Michel, Francisque (1856) *Études de philologie comparée sur l'argot et sur les idiomes analogues parlés en Europe et en Asie*. Paris, (Esp. Argots de l'Asie, p. 487).
- Mirzaee, Adeleh (2021) Zargari, Morqi, Gondscheschki: Geheimsprachen im Iran. In: *ÖKFenster, the special magazine of the Austrian Cultural Forum in Tehran*. 15, December, pp. 34–38.
- Petit Robert – Le Nouveau Petit Robert (1993). *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Éd. M. Legrain. Paris: Dictionnaire Le Robert.
- Phillot, D. C. (1907) A Note of Sign-, Gesture-, Code-, and Secret language, etc., amongst the Persians. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, New Ser., 1907, III, pp. 619–622.
- Phillot, D. C. (1906) Note on the Jargon of Indian Horse Dealers. *Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal*, II, 530. 3/9.
- Pstrusińska, J. (1986) Some notes on an unknown language of northern Afghanistan. *Journal of the Anthropological Society of Oxford*, vol. XVII, no 2, Trinity.
- Pstrusińska, J. (1990) On the origin of vocabulary in the Central Asian secret languages. In: R. Dor (ed.), *L'Asie centrale et ses voisins. Influences réciproques. Colloques langues'O*. Paris-INALCO.
- Pstrusińska, J. (2004; 2013) *O tajnych językach Afganistanu i ich użytkowników*. Kraków: Księgarnia Akademicka academic publishing house, 2004; Eng. tr.: *Secret Languages of Afghanistan and Their Speakers*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013. (In Polish/English).
- Ramaseena, or a Vocabulary of the peculiar Language used by the Thugs, with an Introduction and Appendix, descriptive of the System pursued by that Fraternity and of the Measures which have been adopted by the Supreme Government of India for its Suppression* (1836). Calcutta: G. H. Uttmann, 2 volumes.
- Rao, A. (1986) Peripatetic minorities in Afghanistan. Image and Identity. In: E. Orywal (ed.) *Die ethnischen Gruppen Afghanistans, Fallstudien zu Gruppenidentität und Intergruppenbeziehungen, Beihefte zum tübinger Atlas des vorderen Orients, Reihe B, (Geisteswissenschaften)*, no. 70. Wiesbaden, pp. 254–283.
- Rao, Aparna (1995). Marginality and language use: the example of peripatetics in Afghanistan. *Journal of the Gypsy Lore Society*. 5. (2), pp. 69–95.
- Rezai Baghbidi, Hassan. (2025) The Gypsy Languages of Iran An Overview. In: *Currents of Metamorphosis across the Indian Ocean* / Hiroko Nagasaki, So Yamane, Yutaka Kawasaki (eds.). The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA The University of Osaka Institutional Knowledge Archive: OUKA. Kyoto and Vizianagaram, pp. 19–47.
- Sadeqpur, Abdolrasul (2007) Notes on the Secret language of House-builders in Ābāde. *Iran & the Caucasus*. Vol. 13, No. 1 (2009), pp. 135–139.

- Sainéan, Lazare (1907). *Argot ancien. (1455–1850). Ses éléments, ses constitutifs, ses rapports avec les langues secrètes de l'Europe Méridionale et l'Argot moderne. Avec un Appendice sur l'Argot jugé par Victor Hugo et Balzac.* Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Sainéan, Lazare (1912). *Les sources de l'argot ancien.* Tome 1. Librairie ancienne, Honoré et Edouard Champion. Paris.
- Samaei, Seyed Mehdi, Azimi, Marzie (2023) The argot used by clothing merchant in Tehran. *Dialectologia* 30, pp. 177–189.
- Schwartz, M. (2012) 'Loterā'i', *Encyclopaedia Iranica*, ed. E. Yarshater, Online Edition. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/loterai> Access date: 10.03.2025.
- Schwartz, M. (2018) On some Iranian secret vocabularies, as evidenced by a fourteenth century Persian manuscript. Alireza Korangy, Corey Miller (Eds.) *Trends in Iranian and Persian Linguistics*. 313. Berlin/Boston: Mouton, Walter de Gruyter GmbH, pp. 69–79.
- Steingass, F.J. (1982) *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature.* London: Routledge & K. Paul.
- Vidocq, Eugène-François (2002). *Dictionnaire argot-français.* Éditions du Boucher.
- Yarshater, Ehsan (1977) The Hybrid Language of the Jewish Community of Persia. *Journal of the American Oriental Society*, 97/1, pp. 1–7.
- Yarshater, Ehsan (2009) x. JUDEO-PERSIAN JARGON (Loterā'i). *Encyclopaedia Iranica* XV/2 (2018), pp. 156–160.

In Persian

- Amiri, R., Fallahi, M.-H. (2023) The Investigation of a Coded Language: Ghosh Dili or Ayereh Dil in the Sarui Clan of the Qashqai Tribe. *Faslnāme-ye zabānshenāsi-ye ejtemā'i / Journal of Sociolinguistics*, No.1, pp. 81–93. DOI: <https://doi.org/10.30473/il.2023.54481.1392> (In Persian).
- Bolukbāshi, A. (2001) Zabānhāye ramzi dar Irān [Secret languages of Iran]. *Ketābe māhe honar.* Tehrān. No. 35, 36, pp. 18–27. (In Persian).
- Hosseini-Ma'sum, S.M. (2014) Yek zabān-e ramzi-ye xānevādegi-ye xās dar Mashhad [Secret Languages in Folkloric Culture; The Dialectal Analysis of a Family Secret Language in Mashhad]. *Farhang va Adabiyyāt-e Āmme*, 2 (3), pp. 25–48.
- Kiyā, S. (1961), *Rāhnamā-ye Gerdāvari-ye Guyeshā* [Instruction on collection of the dialects]. Tehran: Entešārāt e Edāre-ye Farhang-e Āmme. (In Persian).
- Sabzalipur, J., and Delgarm, R. (2016) Zabān-e Maxfi-ye Arrānaji yā Qarqadili dar Manāteq-e Tātnešin-e Khalkhāl [Secret language Arranaji/Qrqadili in the Tati area of Khkalkhal]. *Zabānshenāsi-ye Ejtemā'i*, year 1, no. 1, pp. 37–48. (In Persian).
- Sotude, M. (1962) Lahje-ye Seb Selyari [Selyari dialect of Seb]. *Farhang-e Irān Zamin*, no. 10, pp. 471–477. (In Persian).

Л.Р. Додыхудоева
Институт языкознания РАН

Додыхудоева Лейли Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора иранских языков Института языкознания РАН, Российская Федерация. Адрес: Российская Федерация, Москва 125009, Российская Федерация, г. Москва, Б. Кисловский пер. 1/1.

Эл. адрес: leiladod@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Leyli R. Dodykhudoeva – PhD in Philology, Senior Researcher, Iranian Languages Sector, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Address: 125009, Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky Per.1/1.

E-mail: leiladod@yahoo.com

<https://orcid.org/0000-0002-4567-9454>

Для цитирования: *Додыхудоева Л.Р.* Тайные (условные) языки в ираноязычном мире // Социоллингвистика. 2025. № 2 (22). С. 214–249. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-214-249

For citation: *Dodykhudoeva L.R.* Secret (coded) languages in the Iranian-speaking world // Sociolingvistika. 2025. No. 2 (22). pp. 214–249. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-214-249

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 13.12.2024;
approved after reviewing 30.05.2025;
accepted for publication 22.07.2025.